

Юлия Захарова

ДЕРЕВЕНЩИНА

УДК 82-3
ББК 84-4
3-38

3-38 **Захарова Ю.**
Деревенщина / Юлия Захарова – М.: Литнет, 2026. – 240 с.

ISBN 978-5-521-94889-5

Артём Лимонов вконец достал своего отца-бизнесмена, и он отправил его в ссылку к бабке в глухую деревню. На перевоспитание. Без тачки, без денег, без роскоши. Мажор закис бы от скуки в этой богом забытой глуши, если бы не встретил простую деревенскую девушку Катю, которая, вопреки его желанию не пала мгновенно к его ногам.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94889-5

© Литнет, 2026
© Ю. Захарова, 2026

Глава 1

– Идиот! Дебила кусок! У тебя мозги совсем что ли отсохли? – Владимир Иннокентьевич Лимонов мерил шагами гостиную своего шикарного загородного особняка.

Руки успешного предпринимателя и уважаемого в городе общественного деятеля мелко потрескивались от пережитого стресса. Волосы, уже посеребрённые на висках сединой, взмокли и прилипли к голове.

– Дия! Принеси мне что-нибудь! – махнул он рукой жене, испуганно жавшейся к камину.

Когда Володя был так зол, она обычно, старалась оставаться в тени. Дияра, вторая жена бизнесмена Лимонова, молодая, красивая, но, как это часто бывает, не отличающаяся острым умом, метнулась в столовую и уже через пару секунд вернулась с толстостенным бокалом в руках. Внутри звенели кубики льда, расплавляясь в янтарном выдержанном напитке. Она подбежала к мужу, вложила ему успокоительное в руки и ретировалась обратно.

Владимир Иннокентьевич устался на ледяной виски, мерно покачивающийся от тремора его пальцев, и трижды моргнул.

– Вообще-то я имел в виду что-то типа валерьянки или корвалола...

– Ой, – пискнула в своем углу Дияра и хотела было броситься снова бежать, чтобы исправить ошибку, но муж махнул рукой – оставь, мол, и так сойдет.

Бизнесмен выдохнул, опрокинул в себя две трети порции и прикрыл глаза. Дрожь успокаивалась. Становилась реже и крупней. Теперь

она походила скорее на предсмертные конвульсии. Но значительно полегчало...

Он открыл глаза – белки налились кровью и покраснели, несколько раз сжал и разжал свободный кулак, вторая рука с силой стискивала почти опустевший бокал, так что побелели костяшки, развернулся к сыну и скрипнул зубами.

– Ты скажешь хоть слово в свое оправдание? – рыкнул Владимир Иннокентьевич грозно.

Тёма вальяжно развалился на диване, широко расставив ноги в стороны. Он даже не потрудился снять заляпанные грязью кроссовки, поэтому под ним на полу уже собралась лужица мутной дождевой воды. Во взгляде молодого человека читалось полнейшее равнодушие и усталость. Все, чего ему сейчас хотелось – чтобы его оставили в покое. В конце концов, он тоже жертва. И свидетельством тому служил длинный прямоугольник пластыря, бережно приклеенный махехой на рассеченную бровь.

– Что я должен сказать? – Тёма понимал, что отец не отстанет. – Ну дождь на улице был. Занесло. С кем не бывает? Я вообще-то тоже пострадал! Мог бы и посочувствовать. Тоже мне отец!

– Посочувствовать? – Владимир Иннокентьевич нервно стер ладонью испарину со лба. – А я вот сейчас ремень сниму... И так тебе посочувствую! Места живого не останется!

– Бать, какой ремень? Ты же в халате! – хохотнул Тёма. – К тому же, поздновато меня воспитывать. Не находишь?

Владимир Иннокентьевич закипал. Он, конечно, понимал, что в свое время упустил парня. Раньше пороть надо было, когда еще боялся отцовского гнева, когда еще доходили до ушей слова. А сейчас... Сидел перед ним здоровый двадцати двух летний парень, которого кроме тачек, тусовок и девок ничего больше в жизни не интересовало. Плевать он хотел на то, что отец говорит.

– Объясни мне, вот как? Как можно было не заметить автобусную остановку?!

– Да откуда я мог знать, что она там стоит? – бросил Тёма аргумент. – Я на автобусах не езжу.

– Теперь ездись! Машина восстановлению не подлежит.

Тёма подскочил, непонимающе уставился на отца.

– Эй, бать, ну ты чего? Ну подумаешь, машину разбил...

– Ламборджини, Артём! Ты разбил Ламборджини! За девятнадцать миллионов моих, между прочим, рублей!

– Подумаешь... Возьму Мустанга, – Тёма откинулся на спинку мягкого дивана и закатил глаза к потолку.

– Нет не возьмешь! Это еще хорошо, что никто не пострадал... А если б там были люди? Чем ты вообще думал? – Владимир Иннокентьевич схватился за сердце и медленно опустился в кресло.

– Ну не было же! – Тёма не понимал, к чему вообще весь этот сыр-бор.

Одна дорогушая иномарка и одна муниципальная остановка. Раньше и похуже бывало.

– Значит так, – старший Лимонов ткнул пальцем в ту сторону, где сидел его непутевый отпрыск, – ситуацию я постараюсь замять...

– Спасибо, бать, – Тёма расслабленно ухмыльнулся.

– А ты, пока тут все не утихнет, отправляешься к бабке Шуре на перевоспитание! И это не обсуждается!

– Не поеду я в этот Мухосранск! – парень возмущенно вскочил с дивана и сжал кулаки. – Что мне там делать?

– Коровам хвосты крутить! Я сказал – не обсуждается! – отрезал Владимир Иннокентьевич.

– Не поеду! – Тёма топнул ногой, словно ему было пять, и он отказывался есть суп на обед.

– Ладно, – развел руками отец. – Там на холодильнике повестка висит. Вчера принесли, я расписался. Еще успеваешь в весенний призыв. Разговор окончен.

Владимир Иннокентьевич опрокинул в себя остатки виски, хлопнул увесистым бокалом по стеклянному столику, что тот аж задребезжал, встал и затянул потуже пояс халата.

– Диля, идем спать! Уже поздно, а мне еще утром в администрацию ехать, главу умасливать. А ты, – он бросил взгляд на опешившего сына, – учись портянки мотать. Пригодится!

– Стой, стой, стой! – Тёма схватил отца за локоть, не давая ему покинуть гостиную. – Мы так не договаривались! Посмотри на меня! Какой из меня солдат?

– По-моему, вполне себе среднестатистический, – Владимир Иннокентьевич оглядел сына с головы до ног – высокий, здоровый, в прекрасной физической форме, хоть завтра на плац.

– Ты обещал, что отмажешь! – не отставал Артём.

– А ты обещал, что не будешь пьяным за руль садиться! – старший Лимонов дернул руку, вырываясь из хватки. – Тебе решать... Либо завтра прям с утра Дима отвезет тебя в Дергачи, либо – тебя ждет призывная комиссия. Выбирай! Либо одно, либо другое! Третьего не дано!

– Пап... Ну прости меня! Этого больше не повторится! – Тёма готов был рухнуть перед отцом на колени. – Не ссылай меня...

Но Владимир Иннокентьевич был неумолим. У каждого когда-то наступает момент, когда терпение лопается. Кажется, этот момент как раз настал.

Глава 2

Дима, угрюмый и молчаливый водитель Владимира Иннокентьевича, уверенной рукой правил Гелендваген по бездорожью. Асфальт закончился еще километров восемьдесят назад, и теперь машина была вынуждена перескакивать с кочки на кочку. Тёму, дремавшего всю дорогу на заднем сиденье, слегка укачало, поэтому его лицо приобрело зеленовато-пепельный оттенок, а желудок ощущался уже где-то в районе горла. К тому же, на последней повороте Гелик ухнул в глубокую яму, и пассажира смачно приложило головой о потолок.

– Дим, останови... – подал голос Тёма с заднего сиденья. – Кишки уже в узел завязало от местного колорита.

Дима не сказал ни слова, только хмыкнул и сдал в поле. Озимая пшеница едва-едва проснулась после спячки и перекачивалась на ветру сочно-зеленым морем. Колеса внедорожника смяли под собой молодые ростки. Артём распахнул дверцы, вывалился из машины и извергнул на будущий хлеб съеденный утром завтрак.

– Твою мать, – выругался он, отдышавшись. – Все кроссы заблевал!

Тёма вытер новенькие конверсы о траву, на прорезиненной белой подошве проступил зеленый след.

– Да бли-и-н... – закатил глаза парень.

– Какие-то проблемы? – сзади появился Дима.

Водитель отца был на голову выше Артёма и в два раз шире в плечах.

– Не, Дим... Никаких проблем! Кроме тех, что ты везешь меня на верную смерть от скуотицы и переизбытка кислорода!

Дима оценил сарказм и довольно ухмыльнулся.

– Свежий воздух полезен, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

– Угу... – вынужден был согласиться Артём. – Дим, а ты с деревни-то на чем добираться планируешь? Железной дорогой тут даже не пахнет. Может какой завшивенький автовокзал имеется?

Дима басисто рассмеялся, хлопнул парня по плечу своей массивной ладонью, так что тот едва не ушел по колено в землю.

– Хорошая шутка, Тём... Хорошая! Ладно, залезай обратно. Поехали!

Артём не понял, чем так рассмешил отцовского водителя, но для проформы тоже хохотнул и полез в машину, теперь уже на переднее сиденье. Через пятнадцать минут езды по полям и пашням, впереди на холме, наконец, показались Дергачи.

Деревня стояла на берегу живописной реки, извивающейся серебристой лентой между пологими берегами, усыпанными вербами. Весеннее солнце играло на глади воды, рассыпая тысячи крошечных бриллиантов и прокладывая золотые дорожки от одного берега до другого. Легкий ветерок шевелил молодую листву на прибрежных кустах, заставляя воду то и дело морщиться и искажать отражение скользящих по ясному небу облаков.

– Красотища-то какая! – восхитился Дима, приоткрывая со своей стороны окно. – Я б тут жить остался!

– Так, может, махнемся? Ты тут, а я обратно в Москву? – предложил парень.

Его виды не впечатляли ни капельки.

– Я человек маленький. Сказано доставить, я доставил. Так что, Тём, ничего личного! – рука водителя снова упала парню на плечо и впечатала его в сиденье. – Но то, что ты шутишь, мне нравится.

То, что Диме что-то там нравилось, было приятно, но вот только

Артём вообще не шутил. А где водитель отца разглядел шутки в его словах, он понял только когда Дима выгрузил его вещи у дома бабки Шуры, запрыгнул обратно в машину и укатил в направлении города.

– А вот это уже совсем несмешная шутка! – выдохнул Тёма, поняв, что Гелендваген ему не догнать.

Он согнулся пополам, уперся ладонями в колени и скрипнул от досады зубами. От Гелика остался на дороге только столб пыли.

– Без машины? Да вы издеваетесь? – Тёма достал телефон с четким намерением позвонить отцу и высказать ему все, что он о нем думает, но и здесь его ждал сюрприз.

Связи не было от слова совсем...

– Зашибись, приехал! – парень со всей силы пнул валявшийся на его пути булыжник, ушиб мизинец и завыл. – Да это хуже тюрьмы!

Когда он вернулся к дому, из калитки выскочила бабка Шура и сгребла внука в охапку.

– Как же ты вырос, Тёмушка! – прослезилась старушка, разглядывая парня. – Я же тебя в последний раз видела, когда ты еще в школу ходил...

– Ага, – кивнул Артём. – На маминых похоронах... Привет, бабуль! Меня тут к тебе...

– Да знаю я, – перебила его баба Шура. – Отец твой утром телеграмму прислал!

– Правильно говорить «Телеграмм», бабуль, – поправил ее внук. – И что он там тебе наговорил?

– Да ничего особенного. Встречай внука на побывку... Вот и все слова, – развела старушка руками и сощулив один глаз глянула на Артёма. – Набедокурил что ли чего?

– Машину разбил немножко, – отмахнулся парень. – С управлением не справился...

– Господи, – прикрыла морщинистый рот ладошкой бабушка. – Сам-то хоть не убился?

– Как видишь! – хохотнул Тёма. – Вот стою перед тобой – жив, здоров.

– Здравсти, баб Шур! – раздался позади звонкий девичий голосок. – Меня мамка прислала...

Артём обернулся. Перед ним стояла молодая девушка лет восемнадцати с толстой косой, ясными глазами и припухлыми соблазнительными губками. Он невольно залюбовался деревенской красавицей, которая при виде его, забыла зачем пришла.

– Тёма! – вдруг воскликнула она. – Это ты что ли?

– Я, – смутился парень.

Девушка его явно узнала, а вот он сам никак не мог ее вспомнить.

– Здравствуй, Катюш, – вмешалась в их неловкую встречу баба Шура. – Обожди минутку! Сейчас принесу.

Старушка нырнула в калитку и заковыляла в сторону дома.

– Катька? Свистунова? – Артём, наконец увидел в лице девушки знакомые черты и довольно заулыбался.

– Да, я, – девушка застенчиво опустила глаза.

– Ты ж маленькая такая была! Бегала везде за нами, как хвостик!

Катя покраснела, сцепила между собой пальцы.

– Выросла вот! – она тряхнула косой и подняла на Тёму взгляд. – Да ты и сам какой стал...

Артём сразу подтянулся, выпрямил спину и небрежно засунул руки в карман.

– А ты чего к нам? – спросила Катя.

– Да вот... Бабушку приехал повидать, – не моргнув, соврал Тёма. – Опять же свежий воздух. Чего в душном городе-то торчать?

– Да... Раньше ты каждое лето приезжал...

– Ты сама-то как? Пацаны здесь все еще живут? Не разъехались? – поинтересовался Артём.

В его памяти всплыли счастливые моменты детства, когда они с друзьями – Васькой и Глебом, гоняли по деревне на велосипедах, лазали по деревьям за яблоками, купались в речке, ловили рыбу.